

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО И СОВРЕМЕННОГО ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК О «ПОПАДАНЦАХ» «ВРЕМЯ ВСЕГДА ХОРОШЕЕ»

В статье приводятся характерные признаки литературы о попаданцах, специфика их проявления в прозе для детей и юношества. Анализируется школьная повесть «Время всегда хорошее» А. Жвалевского, Е. Пастернак, в основе которой лежит сюжет попаданчества. Выявляется образ советского и современного детства через исследование специфики художественного времени и пространства, поэтики персонажа.

Ключевые слова: современная детско-юношеская литература, попаданцы, школьная повесть, образ детства, СССР.

Материал анализа в этой статье – школьная фантастическая повесть, точнее, один из ее вариантов, обозначаемый в критике и исследованиях как проза о попаданцах. Фантастический компонент в этом жанре обусловлен использованием сюжета перемещения во времени. Есть несколько вариантов его разворачивания в детской литературе, отражающих общекультурные тенденции, проявляющиеся также в современной «общей» литературе и кино:

- попаданец в альтернативные / фантастические миры: К. Ст. Льюис «Хроники Нарнии» (1950);
- попаданец в будущее: Кир Булычев «Сто лет тому вперед» («Гостя из будущего», 1978), А. Жвалевский и Е. Пастернак «Время всегда хорошее»;
- попаданец в прошлое, причем как очень далекое (Е. Пастернак, А. Жвалевский «Москвест», 2011.), так и относительно недавнее, (советское¹): Т. Крюкова «Повторение пройденного» (2008),

¹ О «попаданцах» в Советский союз снимают кино и телесериалы: «Мы из будущего», «Мы из будущего-2», «Туман», «Обратная сторона Луны», «Чернобыль. Зона отчуждения», «Овечка Долли была злая и рано умерла», «Назад в СССР», «Гости из прошлого»; пишут литературные произведения: «Вторая жизнь» А. Санфирова, «Спасти СССР. Инфильтрация» М. Королюка, «Случайный билет в детство» Вл. Стрелкова, «Назад в юность» А. Сапарова, «Обратно в СССР» Г. Марченко, «В августе 79-го, или Back in the USSR» А. Ахмарова, «Фатальное колесо» В. Сиголаева, «Поколение победителей» П. Дмитриева, «1970» Е. Щепетнова, «Попытка возврата», Вл. Конюшевского, «Черные бушлаты» А. Конторовича, «Реваншист» А. Дроздова, «В ту же реку» Н. Дронты и мн. др. Исследователь-политолог В. А. Ковалев подметил принципиальную смену векторов в литературе: если в 1960–1970-е годы преобладала литература о путешествиях в будущее, то в 2000-х – в прошлое, причем довольно быстро сложились штампы, повторяющиеся приемы, обеспечившие жанру «попаданчества» формульность [2, с. 141–142].

А. Жвалевский и Е. Пастернак «Время всегда хорошее» (2009), А. Ремиз «Кошка с Юпитера и позвоночные» (2018).

Атрибутивные признаки литературы о попаданцах таковы [4, 5]:

- чаще всего переместившийся («попавший») – средний, типичный человек, лишенный качеств исключительности, «супергеройства»;
- перемещение персонажа в иное пространство-время происходит мгновенно и внезапно; у персонажа не было намерения перемещаться (как, например, у создателя машины времени), для него изменение хронотопа – неожиданность, он к нему не готовился и не готов;
- отсюда экзистенциальный мотив вынужденного самоопределения в принципиально чуждой персонажу культурной и социально-информационной среде;
- у персонажа-попаданца в прошлое есть представление о будущем, иные навыки, которые он может использовать для выстраивания отношений в ином социуме.

Главные герои повести «Время всегда хорошее» А. Жвалевского и Е. Пастернак Оля Воробьева из 2018 года и Витя Шевченко из 1980 года волею судьбы меняются местами. В повествовании посменно представлены записи Оли и Вити, что позволяет авторам параллельно разворачивать две сюжетные линии в двух временных пластах (10–14 апреля 1980 и 2018 годов). Пересечение героев возникнет лишь дважды: 1) когда дети встретятся в сновидении и поменяются местами; 2) увидят друг друга повторно перед возвращением в свое время.

Рассказ о событиях ведется от первого лица, в форме дневниковых записей, что обеспечивает передачу субъективного, глубоко личного опыта персонажей. При этом через речь центральных героев воссоздается не только их характер, привычки, ценностные ориентиры, но и социокультурный образ времени. Лексикон детей и взрослых 1980-х годов изобилует «советизмами», то есть словами и выражениями, обозначающими реалии советского прошлого, служащими социально-культурными маркерами эпохи, передающими значимую информацию, которая является непонятным для современных подростков семиотическим кодом, требующим расшифровки (перевода на «современный русский»): «кур выбросили», «холодная война», «совет дружины», «империалисты», «религиозный дурман», «шефская помощь» и др.

С. Маслинская подметила, что писателей XXI века «занимает само наличие разрыва в опыте современных детей и их советских предшественников», в произведениях о «попаданцах» «дети 2000-х, переместившись в советскую эпоху, обнаруживают полную неосведомленность о том, что такое пионерская организация и как была устроена ее жизнь» [3, с. 171], отсюда возникает необходимость введения лексикона эпохи в определенных

событийных контекстах, из которых слова могли бы стать понятными и герою из будущего внутри сюжетного действия, и современному читателю. Дополним: авторам важно показать и чуждость современного лексикона жителю 1980-х годов. Слова, отражающие реалии мира XXI века, особенно связанные с компьютерно-виртуальной тематикой, вызывают затруднения в понимании у пионера Вити: «написала в личку», «комп», «качать через торренты», «антивирус», «работать по лизингу» и т.д.

Восприятие нового для героев времени начинается с пространства дома и внешности родителей. Оба однозначно понимают, что это их мама и папа, однако родители выглядят и ведут себя иначе, чем обычно, – «ненормально». Витина мама непривычно хорошо одета, моложава, энергична. Оля же замечает: «Мама была в странном халате сине-зеленого цвета, протертых клетчатых тапках. В этом балахоне мама казалась совершенно бесформенной или внезапно располневшей» [1]. Дети оценивают интерьер квартиры, сопоставляя его с привычным для них образом жизни. На контрасте с 2010-ми годами для Оли 1980-е – время бедности и убогости, отсутствия самого значимого для нее – техники, обеспечивающей общение в виртуальном мире: «И вот тут мне стало плохо по-настоящему. Компа на столе не было! Там, на его законном месте валялась груда книг и тетрадки какие-то и бумажки...», вместо красивой желтой кухни – «белое убожество» [1]. Для Вити новый для него мир XXI века – время богатства и роскоши: пространство квартиры светлое, из книг только учебники, но необычные, яркие, техника (компьютер и телевизор) открывают доступ к большому объему информации, позволяют оперативно узнавать новое.

Образ времени воссоздается не только через локус дома. Герои выходят во двор, в магазин, в школу. В описании этих локусов два времени опять противопоставляются друг другу. Восприятие окружающего мира для Оли остается таким же негативным, как и пространство дома: вечно уставшая мама, все, «начиная от одежды» окружающих ее людей (и ее собственной), ей не нравилось серостью, бесформенностью; «слишком шумно, слишком быстро, слишком беспорядочно» [1]. Оля с удивлением замечает, что люди очень открыты к коммуникации и телесным контактам: подруга ее обнимает («никогда меня не обнимали посторонние люди» [1]), дети играют на улице, непрерывно болтают, «дикие и приставучие». Это очень мешает подростку XXI века, привыкшему ограничиваться от окружающего мира наушниками, углублением в виртуальный мир: «Я просто дурела от идиотизма вопросов. <...> Я совершенно не понимала, какое им вообще до меня дело? Кто им позволил трогать меня руками...» [1]. «Как их выключить?» – думает Оля, воспринимая одноклассников как персонажей компьютерной игры, активность которых нужно «выключить», чтобы победить.

Для Вити, наоборот, вокруг все ярко, радостно, комфортно; в магазинах нет очередей, нет бытовых ограничений; жизнь – праздник. Однако мир социальных отношений смущает его своей беднотой. Речь подростков скудна и засорена сленговыми выражениями («лол», «фича», «лохануться», «кирдык»). Его способность выражать свои мысли вслух вначале вызывает недоумение и ненависть. Он замечает замкнутость одноклассников, закрытость от общения: все «быстро расходились по домам, уткнувшись в свои телефоны и быстро тыкая в их экраны» [1].

Авторы, таким образом, показывают изменчивость социальной и технической стороны жизни: она объективно в 2010-е годы ярче, комфортнее, наполнена большими возможностями, чем в 1980-е. Однако общество XXI века, по сравнению с концом века XX, стало более «атомизированным», люди – более разобщенными, отвыкшими от непосредственного живого общения.

Выстраивая образы советского и современного детства, А. Жвалевский и Е. Пастернак многоаспектно обыгрывают мотивы слова и молчания, связанных с мотивами границ и ограниченности. В социальном мире 1980-го года, с одной стороны, люди открыты друг другу (соседи и одноклассники приходят друг к другу в гости, с другой стороны, Оле, признавшейся, что она не помнит слова пионерской клятвы, испуганная подруга советует никому об этом не говорить). В 2018 году у детей нет ограничений, они могут выражать любое мнение по поводу любой темы, однако, во-первых, авторы в гиперболизированной форме показывают кризис межличностного устного общения: дети совсем разучились говорить, пишут не от своего имени, а под ником. Открытость обеспечивается, по сути, анонимностью адресанта.

Авторами акцентируется разница восприятия подростками перемещения во времени. Дети интерпретируют события, обстоятельства, исходя из своего социокультурного опыта. Оля, страдающая из-за отсутствия гаджетов и необходимости близкого живого общения, объясняет себе происходящее перемещением в виртуальную реальность: «Я попала в компьютерную игрушку» [1]. Витя считает, что происходящее с ним – результат участия в каком-то секретном эксперименте, как в «большом космическом путешествии» [1]; нужно достойно справиться с испытаниями, чтобы пройти отбор для участия в значимом для всей страны событии. Ассоциации детей, как и их речь, служат маркерами исторического времени. Дети советского времени мечтали о космосе, приключениях, были готовы на участие в экспериментах ради своей Родины, современные подростки – индивидуалисты, и несоответствующее привычному они воспринимают как виртуальное пространство, как игру, квест.

Но при этой разнице обнаруживается общее: во-первых, нахождение в непривычных условиях они воспринимают как испытание, во-вторых, приходят к выводу, что их миссия (в игре ли, в эксперименте ли) связана с помощью другим. Исходя изначально из разных установок (индивидуализма и коллективизма), оба ребенка в финале приходят к единым ценностным основаниям.

Смысл заглавия повести раскрывается именно через реконструкцию межличностного общения, в котором обнаруживаются единые экзистенциальные основы существования и ответ на вопрос: зачем случилось перемещение во времени?

Оба героя – и Витя, и Оля – накануне перемещения попадают в сложную ситуацию испытания. В 1980 году друга Вити Женьку Архипова обвиняют в том, что он ел кулич, испеченный бабушкой на Пасху. За такой проступок (хотя сам Женька его не признает; в его представлении это просто «булка»), по мысли администрации школы, от него надо потребовать покаяния, публичного осуждения бабушки, либо, если он не согласится на это, – исключить из пионерской организации. Позиция Женьки, категорически не готового осудить бабушку и признать ее и свою вину, требует самоопределения и выбора от центрального героя Виктора: он председатель совета дружины, ему вменено в обязанности провести собрание, на котором в любом случае (отречение от члена семьи или изгнание из пионерии) человеческое достоинство друга будет унижено. Он оказывается в мучительно сложной для него ситуации определения персональной иерархии ценностей. Выбор осложняется пониманием, что поддержка друга может сказаться на судьбе отца, его карьере.

Синичка (Оля)² в 2018 году переживает тяжелый стресс из-за того, что придется сдавать устный экзамен, тогда как она, как и все ее сверстники, привыкла общаться только чрез гаджеты, решать тесты, утратив навыки устной речи и оперирования полученной информацией: «Я помню параграф учебника, я помню вопросы в конце, я помню, мы на компах самостоятельно делали, и помню, что в первом вопросе правильный ответ первый, а третий вопрос самый сложный, и там правильного ответа нет, нужно было поставить галочку в клеточке “нет верного ответа”. Но я вообще не помню, о чем там идет речь!» [1]. Попытка адаптации правил письменной переписки в «комиках» (телефонах) для устной речи не увенчивается успехом: «Историк страдальчески закатил глаза. “Ну, это, конечно, лучше чем просто молчать, но почему такие паузы между предложениями?” Дима насупился и прошептал: “Там смайлики...” “Что?” – обалдел историк. “Смай-

² В 2018 году она идентифицирует себя не с именем и фамилией Оля Воробьева, а с ником в социальных сетях, так как именно в «виртуале» настоящая, с точки зрения подростков, социальная жизнь, и только в 1980 году возникнет идентификация с именем Оля.

лики там. Вы ж сказали говорить как пишешь, вот я их и пропускаю...» Историк схватился за голову» [1]. Ответ у доски воспринимается Олей как унижение, она ощущает себя обнаженной в публичном месте.

Оба героя не знают, как им поступить, и настолько экзистенциально тяжело переживают ситуацию, что это сказывается на их физиологическом состоянии: они чувствуют тошноту, буквально заболевают. Перемещение во времени оказывается, на первый взгляд, спасительной формой эскапизма: выпадение из своего времени обуславливает выход из невыносимой ситуации испытания. Оля окажется в 1980 году, где не нужно срочно готовиться к экзамену, а Виктор – в 2018 году, где «Хочешь, будь православным, хочешь католиком, хочешь мусульманином, хочешь иудеем. Хочешь, отмечай все праздники сразу» [1], то есть где не может возникнуть порицания за празднование Пасхи. Две такие разные ситуации в XX и XXI веках роднит то, что в сознании детей они связаны с унижением их человеческого достоинства, с посяганием общественного на интимное, личное.

Одним из эффектов перемещения в другую реальность является изменение – и героев, и мира вокруг. Виктор быстро осваивается в новом времени, так как он умеет общаться, учиться, быстро овладевать новыми знаниями и навыками. Разделяя ценность товарищества, он помогает одноклассникам подготовиться к устному экзамену, подружиться друг с другом, научиться общаться в «реале», а не «виртуале». С его помощью не только подростки смогли преодолеть коммуникативные барьеры, но и взрослые вспомнили, как хорошо ходить друг к другу в гости, общаться в компании, тем более что у них такой опыт был, они просто его забыли.

Оля изначально болезненно переживает свое несовпадение с новым временем, думает только о себе, мечтает вернуться. Но именно в 1980-м она получает первый опыт поддержки от сверстников. Это, а также симпатия к однокласснику Жене Архипову, во-первых, помогает ей преодолеть собственные комплексы, выйти в зону развития: Оля начинает при содействии Жени читать книги, учиться общаться, выражать свои мысли и эмоции в устной речи, в диалоге. Во-вторых, она выходит за границы индивидуалистического миропонимания – обнаруживает в Жене значимого друга, которому нужна помощь. Оказавшись на месте Вити, друга Жени, Оля более независимо и храбро защищает право его семьи на самоопределение, его бабушки – на выражение своей веры в Бога. Храбрость ей придает знание будущего: «Ведь они все еще не знают, что довольно скоро Советского Союза не станет, и говорить можно будет все, что захочешь <...> Я вдруг почувствовала себя всемогущей. Никого не боюсь, даже Вассу!» [1].

Ее не ограниченное идеологическими клише сознание вскрывает противоречия советской эпохи: пионерами должны становиться «самые дос-

тойные», а почему тогда «принимают всех», почему «нельзя любить бабушку больше, чем пионерскую организацию»? [1]. Воспринимая ситуацию травли Жени вне историко-социального контекста, она открыто поддерживает мальчика. Индивидуализм, к которому привык ребенок XXI века, помогает в условиях торжества коллективистских ценностей отстоять личное достоинство отдельного человека. Оля не боится осуждения коллектива, в отличие от других одноклассников, и это ей дает свободу выражения собственного мнения. Она не боится открыто высказать несогласие с мнением большинства, не боится всеобщего осуждения и бойкота. Ей не страшно остаться вне коллектива.

Коллективизм и индивидуализм лишены в повести абсолютных оценок, контекстуально и та, и другая ценностные установки могут служить благу или несправедливости / делать людей несчастными. Все зависит от ситуации и от экзистенциального выбора человека.

Возвращение в свое время обусловлено отчаянием Оли, которой, несмотря на все усилия, не удастся помочь однокласснику. Тогда происходит повторная встреча Оли с Витей, в белой комнате, интерпретируемой ими как пространство сновидения. Дети обмениваются информацией. Так совершается диалог двух времен, на основе которого исправляются судьбы людей. Две эпохи показаны как взаимодополняющие. Именно в чужом, не своем времени герои находят решения для помощи своим сверстникам. Причем советский подросток оказывается в более значимой роли – спасает класс от провала на устном экзамене в 2018 году, объясняет Оле, как научить одноклассников общаться, находит в Интернете информацию о героическом прошлом бабушки друга, чтобы избежать его исключения из пионеров в 1980-ом.

В финале ребята меняются местами, возвращаются в свое время 14 апреля, в день проведения собрания по исключению Жени из пионеров. Сюжетное время действия – 4 дня, с 10 по 14 апреля. Такая датировка провоцирует связать событийную канву повести с Днем космонавтики, с технологическим прорывом. Но этот контекст в нарративе «не работает», нет никаких упоминаний об этом празднике. Объясняет выбор даты завязка: Женю обвиняют в том, что его семья празднует Пасху, которая в 1980 году пришлась на 6 апреля, а в 2018 – на 8 апреля. Приурочивая события к Светлой Седмнице (неделе после Пасхи), авторы актуализируют не социально-историческую обусловленность событий, а семантику духовного воскрешения героев, после болезни и испытаний вернувшихся к себе самим обновленными, излеченными.

Решая сложные этические задачи, персонажи понимают ответственность за свои поступки, открывают возможности выстраивать собственную жизнь и оказывать поддержку другим. Эксплуатируя клишированный сю-

жетный ход перемещения в другое время, писатели утверждают мысль об отсутствии раз и навсегда написанного будущего: от личного выбора каждого зависит, каким будет твое настоящее, будущее и даже прошлое.

Библиографический список

1. Жвалевский, А, Пастернак, Е. Время всегда хорошее: повесть / А. Жвалевский, Е. Пастернак. – М.: Время, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kniguru.info/short-list/vremya-vsegda-horoshee> (дата обращения: 03.10.2022).
2. Ковалев, В. А. Наше непредсказуемое прошлое: попасть в альтернативу / В. А. Ковалев // Россия и современный мир. – 2014. – № 1 (82). – С. 141–161.
3. Маслинская, С. Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе / С. Маслинская // Новое литературное обозрение. – 2021. – № 3 (169). – С. 165–178.
4. Невский, Б. Книги про попаданцев: проблемы и штампы. 2017 / Б. Невский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mirf.ru/book/knigi-pro-popadancev-problemy-shtampy/> (дата обращения: 03.10.2022).
5. Фишман, Л. Мы попали / Л. Фишман // Дружба народов. – 2010. – № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2010/4/my-popali.html> (дата обращения: 03.10.2022).